

Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона

В.К. Белозёров

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния идейного наследия прусского теоретика войны Карла фон Клаузевица и его личности на творчество, мировоззрение и политические взгляды французского исследователя Раймона Арона. Во Франции в течение длительного времени ценность и востребованность теории войны Клаузевица признавали только в контексте военно-специальных исследований. Арон одним из первых в стране признал ценность и методологический потенциал политической философии войны Клаузевица для познания процессов подготовки и применения военной силы, обеспечения национальной и международной безопасности и предпринял усилия для популяризации учения теоретика. Проводимый анализ содержания работ Арона, в которых он апеллирует к Клаузевицу и теории войны, позволил выявить эволюцию, происшедшую в отношении к идейному наследию прусского философа. Труды Клаузевица, бывшие для Арона поначалу преимущественно источником цитирования, превратились в методологическую основу философского осмысления войны и международных отношений, в том числе в ядерную эпоху. По результатам тщательного изучения работ и глубокого осмысления творческого наследия Клаузевица, Арон уже в последние годы своей жизни написал о нем двухтомный труд, видя в прусском мыслителе прежде всего политического философа войны. Важной причиной, обусловившей интерес французского ученого, стали личность и биография самого Клаузевица, его характер, отношения с властью, политическая позиция, восприятие современниками, судьба его учения. В этой связи восприятие Ароном Клаузевица является эмоционально насыщенным, а книга о нем существенно отличается от других его произведений чувственным авторским отношением. Осмысление Клаузевица и его идейного наследия побудило Арона к саморефлексии и изменению самоидентификации, лучшему пониманию военной культуры Германии и Франции. В статье делается вывод о важности дальнейшего осмысления и развития творческого наследия Клаузевица и Арона.

Ключевые слова: Арон, Клаузевиц, политическая философия войны, саморефлексия, политическая теория войны.

Белозёров Василий Клавдиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации.

vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Для цитирования: *Белозёров В.К.* Клаузевиц, война и обретение смыслов: опыт философской рефлексии Раймона Арона // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 1. С. 40–65.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65

Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection

V.K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the influence of the ideological heritage of the Prussian war theorist Carl von Clausewitz on the works, worldview, and political views of the French researcher Raymond Aron. For a long time, in France the value and relevance of Clausewitz's theory of war was acknowledged only in the light of specialized military issues. Aron was one of the first in the country to recognize the value and methodological potential of Clausewitz's political philosophy of war for the understanding of the preparation and usage of military force, maintenance of national and international security, and Aron made efforts to popularize the Prussian theorist's doctrine. The analysis of Aron's works, in which he appeals to Clausewitz and the theory of war, has revealed the evolution that occurred in attitude towards the ideological heritage of the Prussian philosopher. Clausewitz's works, which were primarily a source of citation for Aron at first, turned into the methodological framework for a philosophical conceptualization of war and international relations, in particular in the nuclear era. Based on the results of a thorough study of Clausewitz's works and a deep reflection on his legacy, Aron in his later years wrote a two-volume work about him, seeing the Prussian thinker primarily as a political philosopher of war. An important reason for the interest of the French scholar was the personality and biography of Clausewitz himself: his character, relations with authorities, political position, acceptance by contemporaries, and the fate of

his doctrine. In this regard, Aron's understanding of Clausewitz is emotionally loaded, and the book about him significantly differs from Aron's other works by the author's personal attitude. The comprehension of Clausewitz and his ideological heritage encouraged Aron's self-reflection and change of self-identification, a better understanding of the military culture of Germany and France. The article concludes on the importance of further conceptualization and development of the scientific legacy of Clausewitz and Aron.

Keywords: Aron, Clausewitz, political philosophy of war, self-reflection, political theory of war.

Vasily K. Belozerov – D.Sc. in Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation.

vk_belozerov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

For citation: Belozerov V.K. (2020) Clausewitz, War, and Meaning Formation: Raymond Aron's Experience of Philosophical Reflection. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 1, pp. 40–65. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65

Введение

Тема войны и ее философского осмысления занимает значимое место в творчестве Раймона Арона. При этом одной из ключевых фигур, к которым он постоянно обращался в своих изысканиях, был прусский теоретик войны Карл фон Клаузевиц. Ряд работ Арона, в которых так или иначе присутствует Клаузевиц и его идеи, переведены на русский язык и известны российскому читателю. Вместе с тем в этих трудах прусский философ войны и его идейное наследие используются Ароном прежде всего для выстраивания и усиления аргументации или в качестве исходной посылки для размышлений о таких важных политических проблемах, как международные отношения, национальная и глобальная безопасность. Теория Клаузевица как методологическая основа философского осмысления войны в этих работах французского мыслителя не раскрывается и не является предметом специального исследования.

Читателю, заинтересовавшемуся этим важным сюжетом в творчестве Арона, придется довольствоваться только комментариями и оценками его самого, которые он давал практически до конца своей жизни и которые опубликованы на русском языке. Разумеется, в этих условиях представление о восприятии Ароном Клаузевица и его теории обречено на фрагментарность.

Вместе с тем обращение Арона к Клаузевицу знаменовало начало качественно иного этапа развития философии войны во Франции. Кроме того, в случае с двухтомным трудом Арона «Мысли о войне. Клаузевиц» и с другими его работами сталкиваемся не просто с очередной интерпретацией идейного наследия известного теоретика войны, а еще и с саморефлексией французского мыслителя, причем весьма болезненной для него самого.

Генезис философской рефлексии теории Клаузевица во Франции

Во французской философской мысли прочно закрепилось творческое наследие теоретика войны пруссака Карла фон Клаузевица. Причем на поприще осмысления его теоретических достижений проявили себя мыслители, которых с уверенностью можно отнести к «звездам первой величины» французской философии.

Вместе с тем достойное место концепция войны Клаузевица обрела во Франции далеко не сразу. Судя по всему, изначально ничего не предвещало глубокого изучения Клаузевица французскими философами и представителями других общественных наук. Даже главный труд его жизни, книга «О войне», увидела свет в 1832 г. и была переведена во Франции более полувека спустя под названием «Теория большой войны» («Théorie de la grande guerre»). Считалось, что труд пруссака Клаузевица предназначен в первую очередь для военных профессионалов. В этом отношении характерна высокая оценка, данная книге французским генералом Люсьеном Кардо (1838–1920): «“Теория большой войны” заслуживает быть настольной книгой для всех командующих армиями, которые задумываются и считают себя призванными поразмыслить над своими роковыми функциями» (цит. по: [Снесарев 2007, 197]).

Вместе с тем именно рассуждения прусского теоретика, носящие философский характер, были расценены как лишние и неуместные, мешающие восприятию более ценных идей произведения Клаузевица. Более того, соответствующие разделы поначалу были просто исключены из французского перевода. Весьма эмоционально, в присущей ему саркастической манере, высказался о столь радикальном отношении во Франции к теории Клаузевица известный отечественный военный мыслитель А.А. Свечин: «О том варварском обращении, которому подвергалась философская часть труда Клаузевица в буржуазных армиях, можно судить по первому переводу Клаузевица, изданному во Франции в 1886 г.: переводчик, полковник Вотри, рассудил, что первые две части труда написаны слишком философски, а последние две части не закончены и в высшей степени насыщены диалектикой. Поэтому первое издание труда “О войне” вышло во Франции в составе лишь четырех средних частей, наиболее устаревших по содержанию, в которых Клаузевиц до известной степени избегал ставить общие вопросы о войне, и в которых положение о зависимости стратегии от политики не подчеркивается так решительно, как в других. И французский стратег, генерал Камон, весьма одобряет это решение переводчика, не запугавшего французов сразу “метафизическим туманом” Клаузевица. И только после большого успеха этого издания, к нему были допечатаны первые две части, как введение, и последние две части, как второй том» [Свечин 1935, 246]¹. Предвзятое отношение к Клаузевицу и, прежде всего, неприятие его философской манеры анализа военной действительности сохранялось во Франции практически до середины XX в. В преддверии предстоящего вооруженного противостояния с Германией в годы Первой мировой войны во Франции было немало написано о «немецком тумане», напускаемом Клаузевицем, о «тевтонской мистике» его произведений. Библиография вопроса хорошо изучена известным западногерманским знатоком Клаузевица Вернером Хальвегом [Hahlweg 1973, 134–137].

¹ Книга Камона о Клаузевице была опубликована в 1911 г. [Camon 1911].

Появление приведенных выше оценок, высказанных в отношении философствования Клаузевица, до определенной степени можно оправдать сложностью восприятия его идей. Не вызывает удивления в этой связи, что традиция обвинения прусского теоретика в избытке философии распространилась в Европе и оказалась длительной и живучей. Причем, как это ни странно, такие оценки имеют место и в самой Германии. Так, отставной немецкий генерал и военный исследователь Кристиан Миллотат усматривает причину происшедшего в том, что «великое произведение “О войне” окутано туманом», поскольку для многих является “философией войны”» [Millotat 2005, 50]. Генерал полагает, что у Клаузевица пытались обнаружить нечто «философское» в духе мышления таких философов, «как Гегель и Кизеветтер... которые лишь немногим немцам нашего времени что-то говорят. Тем самым... труду Клаузевица был придан туман, сквозь который лишь немногие немцы находили возможность прорваться и смогли открыть его для себя» [Millotat 2005, 50]. Поэтому, по мнению немецкого исследователя, «должно быть понятно, насколько сегодня актуальны мысли Клаузевица для политиков и военных, если они будут освобождены от философского тумана, перенесены на современность и соотнесены с современными политическими и военными обстоятельствами» [Millotat 2005, 55].

Нельзя не отметить, что с этой традицией диссонирует восприятие идейного наследия Клаузевица в России. При этом следует обратить внимание на то, что книга «О войне» фактически сразу после своего выхода привлекла в нашей стране внимание исследователей, при этом получила признание ценность именно политико-философской рефлексии прусского теоретика войны. В открытой в декабре 1832 г. в Санкт-Петербурге Военной академии передовые мыслители Н.В. Медем и П.А. Языков в своих исследованиях сделали выбор в пользу методологии Клаузевица [Русская военно-теоретическая мысль... 1960, 98–160]. Более того, в нашей стране фактически сразу после выхода книги «О войне» была осознана неуместность и опасность игнорирования того, что неразумно было охарактеризовано вердиктом «философский туман». Примечательно, что в проводимых в

Германии исследования фиксируется как объективное обстоятельство и вызывает интерес тот факт, что восприятие главного труда Клаузевица в России состоялось «существенно раньше, чем в других европейских государствах». Более того, немецкими исследователями обоснованно утверждается, что в нашей стране осмысление взглядов прусского теоретика войны «всегда находилось в эпицентре... смены направлений исследований и теоретических парадигм» [Rose 1995, 239, 241].

В научной мысли современной Франции считается само собой разумеющейся философская рефлексия войны Клаузевицем, в рамках которой его «размышления строятся как философский трактат политики» [Guineret 2014, 91]. Между тем следует признать, что традиция выхолащивания философского содержания осмысления Клаузевицем войны оказалась прервана относительно недавно благодаря интеллектуальным усилиям прежде всего Раймона Арона. Находясь уже на седьмом десятке жизни, ученый с удивлением для себя констатировал то обстоятельство, что приступил к разработке в Коллеж де Франс курса лекций «об одном из самых знаменитых и, возможно, менее изученном (прежде всего во Франции) военном теоретике» [Aron 1976a, 10].

Сам исследователь в течение длительного времени не демонстрировал желания изучать войну с позиций философии и социологии. И тем более удивительной представляется происшедшая в мышлении Арона метаморфоза, о которой можно судить по его солидаризации с утверждением британского военного теоретика Б. Лиддела Гарта, которую французский мыслитель артикулировал уже в конце своей жизни: «Военные проблемы следует изучать, как и все другие предметы, которые изучаются в университете» [Арон 2006, 271]. Именно Арон одним из первых во Франции приступил к реализации этого подхода на практике. Чтобы понять генезис продвижения французского исследователя к философскому познанию войны и к восприятию теории Клаузевица определенным образом, следует сосредоточить внимание на некоторых кластерах его биографии и творчества.

Уже находясь на закате своей творческой карьеры, Арон признавался, что в межвоенный период, когда был молодым,

мечтал о примирении Франции и Германии, столь часто в истории ожесточенно противостоявших друг другу. Политические же реалии, в условиях которых жил Арон, оказались жестокими. Реваншизм, национализм и нацизм, охватившие Германию, куда он приехал весной 1930 г. и жил до августа 1933 г., потрясли молодого исследователя. В это время он наглядно убедился в том, насколько может оказаться жесток политический режим к гражданам своей страны и агрессивен во внешней политике. Поэтому здесь, в Германии, переживавшей драматичный период своей истории, он получил, как впоследствии осознал, важное политическое образование [Арон 2006, 49]. Как ни странно, последующие годы не возбудили в ученом ненависти к стране и ее мыслителям. Оценивая роль Германии и творческого наследия немецких ученых в своем научном становлении, умудренный исследователь в конце жизни признавал: «Вопреки войне 1939–1945 годов, вопреки национал-социализму я никогда не осуждал народ и культуру из-за политических конфликтов» [Арон 2006, 33].

Поэтому исследовательский (и не только) интерес Арона к Клаузевицу невозможно осмыслить и объективно оценить вне рамок того чувственного отношения, которое исследователь испытывал к Германии в течение всей своей жизни – к достижениям ее философской, политической и социологической мысли. Германию Арон оценивал как страну, куда философы в его время приезжали, чтобы пополнить свое образование [Арон 2006, 31]. Не случайно незадолго до кончины французский ученый признавал, что после того как написал свою книгу о Клаузевице, его охватил «энтузиазм времен юности» [Арон 2006, 43].

Вообще, проводимому Ароном анализу политической практики и теории, в том числе связанной с применением военной силы, присуще постоянное обращение к творческим достижениям авторитетных немецких теоретиков. При этом можно согласиться с утверждением немецкого исследователя Маттиаса Оппермана о политической принадлежности Раймона Арона англосаксонскому миру [Oppermann 2008, 280]. Одновременно сам французский мыслитель, характеризуя полученное им научное образование, признавал, что своим становлением «обя-

зан главным образом немецкой школе» [Арон 1992, 30]. Среди немецких исследователей, оказавших мощное воздействие на формирование политических и научных взглядов Арона, следует назвать, помимо Карла фон Клаузевица, Карла Маркса и Макса Вебера.

«Выход» Арона на Клаузевица состоялся не сразу после знакомства с ним, хотя в преддверии жестокого глобального вооруженного противостояния и в ходе него ученый не мог не размышлять о феномене войны, которую до этого он презирал и не имел желания изучать. Оказавшись в годы Второй мировой войны в эмиграции в Лондоне, он предпочел прочесть труды даже не самого Клаузевица, а известную книгу последователя прусского философа войны Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории».

По признанию Арона, впервые он прочитал шедевр Клаузевица, книгу «О войне», в 1955 г. Однако тогда она оказалась для него прежде всего кладом цитат, которые он активно использовал впоследствии при написании книги «Мир и война между народами» [Арон 1976а, 10–11]. Действительно, в этой книге, увидевшей свет в 1962 г., труд Клаузевица «О войне» цитируется как никакой другой источник. Знаменательно также и то, что цитаты прусского философа войны оказались сосредоточены прежде всего в разделах, закладывающих методологию всего дальнейшего исследования: в первой, второй и третьей главах (соответственно «Стратегия и дипломатия, или О единстве внешней политики», «Могущество и сила, или Средства внешней политики», «Могущество, слава и идея, или Цели внешней политики») [Арон 2000, 71–146].

При этом первую главу своей книги Арон начинает сразу с известной дефиниции Клаузевица о том, что война представляет собой «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Эта мысль и стала для него отправной точкой для дальнейших размышлений [Арон 2006, 71]. Безоговорочно принимает французский исследователь и утверждение о том, что война – это инструмент политики и «есть только продолжение политики иными средствами» (формула Клаузевица). Весьма важной для анализа международных

отношений представлялась Арону и содержащаяся в книге «О войне» мысль о том, что политика есть разум олицетворенного государства. Вместе с тем нельзя не признать того, что объектом специального исследования концепция Клаузевица для Арона в описываемый период не стала.

Понимание Клаузевица как политического философа войны

Только спустя несколько лет разработка курса лекций в Колеж де Франс побудила Арона к пониманию концепции прусского философа войны в определенном ключе, что потребовало основательного изучения его трудов, а также и научных работ, связанных с Клаузевицем. В результате появился двухтомный труд «Мысли о войне. Клаузевиц» («Penser la guerre, Clausewitz»). Как впоследствии охарактеризовал французский ученый свой творческий поиск, он «работал над этой книгой между 1972 и 1975 годами, работал с радостью, почти с энтузиазмом» [Арон 2002, 707].

Труд о Клаузевице занимает в творческом наследии французского философа, как это ни банально звучит, особое место. И дело не только в том, что книга оказалась последним крупным произведением, лебединой песней французского мыслителя. Имеется немало свидетельств о проявлении Аронем особых чувств к своему творению. Сам ученый признавался, что питает к своему произведению «некоторую слабость», и утверждал, что эту книгу он «никогда не должен был написать» [Арон 2006, 372]. Более того, в октябре 1980 г., спустя четыре года после выхода книги, в одном из писем он назвал ее своим «любимым дитя» [Oppermann 2008, 282]. Столь трепетное чувственное отношение следует связать прежде всего с восприятием Аронем личности Клаузевица и пониманием всех обстоятельств формирования его теории войны. В результате прусский мыслитель заинтересовал и в определенной мере заинтриговал французского мыслителя.

Одно из объяснений этому, думается, следует искать в том, что близкой и понятной французскому ученому оказалась эмоциональная напряженность работ Клаузевица, а также и

присущий ему глубокий пессимизм, тщательно скрывавшийся от соплеменников. Причем наиболее эмоционален прусский офицер и теоретик войны оказался в своей ненависти к Наполеону и Франции начала XIX в. В этом отношении настрой Клаузевица раскрывается не только в том, что он непосредственно участвовал в войнах против революционной и наполеоновской Франции и остро переживал национальный позор родной ему Пруссии, связанный с ее разгромным военным поражением и оккупацией. Полученное Клаузевицем впечатление было настолько сильным, что прусский философ практически на протяжении всей своей жизни теоретически воевал с Францией и уже в послевоенные годы обосновывал и составлял планы военных операций против нее, причем делал это не только по поручению руководства, но и по своей инициативе. В последние годы своей жизни Клаузевиц занимался этим с особой интенсивностью и разрабатывал планы войны против Франции: в 1828 г., в августе 1830 г., в конце 1830 г. и в феврале 1831 г. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1831 г., прусский философ войны скончался. «Лебединой песней» Клаузевица назвал его последние интеллектуальные усилия отечественный военный мыслитель, автор труда «Философия войны» А.Е. Снесарев [Снесарев 2007, 168].

Эволюцию теории Клаузевица и его исследовательского метода нельзя отделять от его личностного становления. После поражения под Йеной и Ауэрштедтом в 1806 г. прусские реформаторы, среди которых был и Клаузевиц, не смогли поднять страну на открытую борьбу с французами, во многом из-за широкого распространения пораженческих настроений в обществе и капитулянтских и коллаборационистских – среди знати. В тот период эмоции взяли верх над аналитическими способностями Клаузевица, что и объясняет радикализацию его мышления. Лишь в результате долгих и напряженных творческих исканий, сумев охватить всю сложную палитру военной действительности, он понимает, что война может вестись с различной степенью интенсивности в применении насилия.

В произведениях молодого прусского офицера содержатся и уничижительные оценки французской нации, о чем Арону,

общавшемся с опубликовавшим эти работы в 1966 г. немецким исследователем Вернером Хальвегом, было хорошо известно. Позже оценки Клаузевица к народу Франции изменились. Для Арона же, которого всегда волновали отношения двух стран, в том числе в военной сфере, поведение народа и элиты в условиях поражения было, безусловно, интересно и близко с учетом приобретенного жизненного опыта.

Направленность и последствия проявления вражды персонально к Наполеону оказались для Клаузевица иными. Причем для прусского теоретика император французов был, ни много, ни мало, «сам бог войны» (*der Kriegsgott selbst*) [Клаузевиц 1936, т. 2, 342]. О теоретическом же осмыслении вражды Клаузевица своими современниками Арону было хорошо известно. Достаточно сказать, что вражда Клаузевица к Наполеону стала предметом научного анализа другого немецкого исследователя, социолога и юриста Карла Шмитта, с которым Арон находился в устойчивом творческом общении. В своих трудах Арон обращался ко многим работам Шмитта, в которых присутствует философ войны и дается оценка его теории («Понятие политического», «Теория партизана», «Клаузевиц как политический мыслитель»). При этом Шмитт в своей статье 1967 г. с присущей ему тщательностью обосновывал, что «Клаузевиц, будучи врагом Наполеона, стал творцом политической теории войны. Он *мыслил* о том, что он и его друзья делали. Только поэтому его теория является подлинной, и только как подлинная теория она могла оказать воздействие за пределами своей исторической эпохи и даже проникнуть в учение и практику революционеров всемирного значения Ленина и Мао» [Schmitt 1967, 499].

Проведенное Ароном исследование, так или иначе, предполагало проникновение в логику мышления советских руководителей в вопросах применения военной силы, в том числе и в ядерную эпоху. Как известно, книгу «О войне» в годы Первой мировой войны штудировал В.И. Ленин, писал о Клаузевице И.В. Сталин, а впоследствии – и М.С. Горбачев. Следует отметить, что воздействие теории Клаузевица на нашу страну в теоретическом и прикладном аспектах изучено и изучается за рубежом [Rose 1995].

Не укрылось от Арона то, что к пониманию необходимости целостного восприятия войны и, соответственно, выбора метода ее исследования Клаузевиц подошел лишь в конце своей жизни. Ценным же в теории и методе Клаузевица оказалось для Арона именно стремление к охвату всего сложного феномена войны без остатка. Лишь видение войны как политического явления позволяет, как понял Клаузевиц, объяснить ее эволюцию в истории и обеспечивает ее целостное восприятие. Замысел исследователя состоял в том, чтобы «создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том», «избежать всего заурядного, само собой разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного» [Клаузевиц 1936, т. 1, 21], ориентируясь при этом на вдумчивого и компетентного читателя. К сожалению, реализовать свой революционный для того времени замысел Клаузевицу так и не удалось, его труд остался незавершенным и даже, пожалуй, только намеченным. Пониманию Ароном происшедшего у Клаузевица изменения исследовательского метода способствовало тщательное изучение книги «О войне». В результате французскому ученому удалось доказать, что «пересмотр книги VIII предшествовал написанию главы I, наиболее законченному выражению мысли стратега» [Арон 2002, 707].

Осознавая незавершенность труда прусского теоретика войны, Арон все же сделал претенциозную заявку на «всестороннее толкование», стремление «осветить философский метод Клаузевица» [Арон 2002, 705]. В предисловии к своему труду о Клаузевице французский исследователь подчеркивает важность сосредоточения на понимании его исследовательского метода: «Первое, что меня привлекло в нем, это философская проблема, попытка понять природу войны, выработать теорию, которая не противоречит учению в целом, другими словами, которая позволит понять задачи войны, не питая малейшей надежды получить секрет победы» [Арон 1976а, 11–12]. Свое намерение понять Клаузевица именно как философа войны и противоречивую судьбу его учения Арон пояснял уже после выхода своего труда: «Я попытался в этой книге не только по-своему истолковать величайшего стратега прошлого, но и найти в

творчестве этого стратега-философа истоки противоречивых толкований, которые были даны его теории» [Арон 2006, 372]. По всей видимости, озвученное признание было продиктовано пониманием того, что решить задачу всестороннего толкования концепции Клаузевица не представляется возможным. Фактически уже своими размышлениями о том, когда заканчивается мир и начинается война, равно как и наоборот, Арон подтверждает такой вывод. В стремлении очертить дихотомию мира и войны, пределы и критерии этих противоположных состояний политических отношений, условия их взаимоперехода, решающее значение для исследователя приобретает соотношение цели и средств [Арон 1976а, 153], которому так много внимания уделено в концепции Клаузевица.

При этом Арон решительно выступает против отнесения Клаузевица к пропагандистам стратегии уничтожения (в духе «тотальной войны» генерала Э. Людендорфа), справедливо полагая, что прусский мыслитель, обозначив широкий спектр применения военного насилия, лишь высказывается о гипотетической возможности абсолютной войны. К тому же, по мнению Арона, «мир, так же, как и абсолютная война, есть ни что иное как идея здравого смысла; одно напоминает, чего стоит бояться, а другое — то, на что мы имеем право надеяться» [Арон 1976b, 225].

В решении вопроса о примате политики, выстраивании отношений политического и военного руководства, оценки военной силы как инструмента государственной власти французский ученый также однозначно встает на сторону Клаузевица. Ведь именно освобождение войны от тисков политики и ведет, по Клаузевицу, к абсолютной войне. Поэтому не соглашается французский ученый и с критикой прусского теоретика британским военным историком Б. Лиддел Гартон, автором концепции «стратегии не прямых действий». Арон стремится развеять стереотипы о Клаузевице как предтече прусского милитаризма и тем самым раскрыть ценность его подходов для западного мира.

Между интересом и фобиями: опыт политической психотерапии Арона

Посредством обращения к Клаузевицу Арон решал и ряд сложных и чувствительных для него самых вопросов, миро-

воззренческих по своей природе. Как признает сам ученый, его современники-французы не хотели войны. Как и многие его сограждане, оказавшись в ситуации выбора, Арон оказался в итоге в рядах сторонников примирения с нацистами и «был очень зол на тех, кто выступал за сопротивление Гитлеру в связи с Чехословакией» [Арон 2006, 39]. Ученый так описывал свои впечатления от капитулянтского выступления маршала Петена по радио в июне 1940 г.: «Так же, как и все французы вокруг меня, я испытал скорее чувство облегчения» [Арон 2006, 92]. Вскоре во Франции по требованию нацистов были опубликованы антиеврейские законы, касавшиеся и самого Арона.

Политическая ситуация и общественные настроения, возникшие на родине Клаузевица в начале XIX в. после понесенного поражения, по ряду параметров содержали в себе явные аналогии с положением дел во Франции кануна и начала Второй мировой войны. Достаточно назвать пораженческие настроения основной массы населения и политической и интеллектуальной элиты, отсутствие воли к сопротивлению, небоеспособность армии перед грядущим военным столкновением. Как известно, восторгались Наполеоном и преклонялись перед ним Гегель и Гете, тем не менее продолжившие свою творческую деятельность после изгнания французов. Думается, вряд ли такую ситуацию можно представить в России.

Фактически Арон обнаружил на примере Пруссии времен Клаузевица объяснительную модель политического поведения своих сограждан и, пожалуй, себя самого. Вместе с тем в Пруссии в начале 1813 г., в отличие от Франции 1945 г., действительно начался национальный подъем, в подготовке которого Клаузевиц и его единомышленники-реформаторы приняли деятельное участие. Сам будущий великий теоретик войны сражался в рядах русской армии против врагов своей родины. Причем король и его приближенные так никогда и не простили Клаузевицу самовольного перехода в русскую армию, что стало живым упреком для них. Посредством осмысления политической позиции Клаузевица Арон мог понять происшедшее с Францией и, может быть, в какой-то степени найти оправдание перед самим собой и перед читателями.

Обращение Арона к идейному наследию прусского философа войны имело под собой и основание довольно деликатного личного свойства. На то обстоятельство, что он еврей, ученый в молодые годы попросту не обращал внимания. Пребывание же в Германии побудило его к осмыслению своей идентичности в различных ее контекстах. «Сознание принадлежности к евреям было навязано мне, так сказать, Гитлером, событиями», признавал он спустя десятилетия. Приход нацистов к власти и распространение расизма и антисемитизма актуализировали вопрос отношения к людям его национальности, в том числе в связи с их исследовательской деятельностью. Об этом он стал заявлять и на научных мероприятиях: «Впервые в моей жизни в 1934 году по случаю конференции в Высшей нормальной школе о национал-социализме я подчеркнул, что я еврей и в качестве такового меня могут заподозрить в необъективности» [Арон 2006, 36]. В дальнейшем регулярно и до конца жизни регулярно возникали ситуации, когда ученый вынужден был осмысливать последствия своей этнической принадлежности и периодически демонстративно высказывать свою позицию в конкретной ситуации.

Ознакомление с творчеством Арона показывает, что он не просто был знаком с теми работами Клаузевица, где присутствуют признаки пренебрежительного отношения прусского философа войны к евреям, но и сознательно обращает на них внимание. При этом известно, что Клаузевиц был представителем своей эпохи, среди его предков были известные лютеранские теологи, придерживавшиеся ортодоксальных религиозных взглядов. Нельзя не отметить и того, что за рубежом в главном труде Клаузевица и сегодня склонны обнаружить нечто, указывающее на его антисемитские взгляды, причем реакция следует довольно своеобразная. Так, современный британский исследователь Хью Стрэчен указывает на присущий прусскому философу войны скрытый антисемитизм, обнаруживающийся, в частности, в 23 главе шестой части книги «О войне». Более того, как специально подчеркивает Стрэчен, соответствующий сюжет, присутствующий в оригинале главного труда Клаузевица, «опускается или смягчается во всех английских переводах» [Strachan 2007, 198].

В одном из писем, датированным маем 1812 г., Клаузевиц так описывает сцены из повседневной жизни Польши: «Грязные немецкие евреи, которые, как паразиты, кишат в грязи и нищете, являются патрициями страны. Тысячу раз я думал о том, что если бы огонь мог уничтожить все это заселение, то эта непостижимая грязь обратилась бы благодаря чистому пламени в чистый пепел. Мне это всегда представлялось полезным. Все кишит здесь евреями, которые говорят по-немецки, но малопонятно» [Schwartz 1878a, 521–522]. В другом письме в апреле 1814 г. Клаузевиц пишет о своем идейном противнике Наполеоне, обосновывая, что его нужно навсегда устранить с европейской политической арены после многих лет войны: «Весь мир поражен исходом катастрофы. Бонапарт живуч, как еврей, и так же бесстыден. Но в целом было бы неправильно не наносить лично ему последнего удара» [Schwartz 1878b, 117]. Арон был знаком с этими письмами, приведенную фразу о Наполеоне он цитирует в предисловии к своей книге о Клаузевице. Причем делает это демонстративно, чтобы подчеркнуть присущее его работам эмоциональное отношение к конкретным историческим личностям, что было особенностью исследовательского метода Арона: «Я никогда не отрицал, что моим “интеллектуальным портретам” недоставало объективности, если под этим термином подразумевается “эмоциональный нейтралитет”. Некоторые тексты, их небольшое количество, могли бы меня раздражать. Например, “Бонапарт живуч, как еврей, и так же бесстыден”. Существует бесчисленное множество текстов, в которых выражается ненависть или презрение в отношении французов» [Aron 1976a, 12–13].

Озвучивание Ароном отношения Клаузевица к евреям так или иначе «работало» на демонстрацию и утверждение политической и научной идентичности ученого, который, по его собственному признанию, всегда отторгал сионизм и не был верующим евреем [Арон 2006, 139]. Весьма характерен также эпизод, связанный с тем, что в 1967 г. после пресс-конференции де Голля, в ходе которой президент республики заговорил о «еврейском народе, уверенном в себе и властном», заде-

тый прозвучавшими высказываниями Арон написал работу «Де Голль, Израиль и евреи». Ученый решительно выступил против отождествления израильтян с евреями, проживающими во Франции [Арон 2006, 300–301]. Как представляется, не случайно эпилог книги о Клаузевице Арон заканчивает размышлением о роли французов еврейского происхождения для Франции и Израиля: «Прежде чем чувствовать себя виноватым за сказанные слова, я все же жду, в чью пользу будет вынесено решение: израильтянам или палестинцам по праву принадлежит Священная Земля трех религий» [Арон 1976b, 286].

Своеобразные последствия и проявления в творчестве ученого имела и ненависть к войне. Страх перед войной как таковой многие европейцы, в памяти которых были свежи воспоминания об ужасах, разрушениях и утратах минувших мировых войн, испытывали и в дальнейшем. И в то же время война продолжала манить Арона: «Я ненавижу войну и потому-то так много о ней писал» [Арон 2006, 77]. Интерес французского исследователя в этой связи привлекало развитие философской и военной научной мысли Германии как страны, начавшей обе мировые войны и потерпевшей в них сокрушительное поражение. Причем каждый раз страна быстро восстанавливала свой потенциал. Военная же регенерация Германии после Первой мировой войны, в которой Франция оказалась победителем, а Германия – побежденной, проходила на глазах Арона, что вызывало у него опасения: «Немцы хотели поставить под вопрос результаты предшествующей войны» [Арон 2006, 35].

И здесь вновь с неизбежностью возникала фигура Клаузевица и противоречивая судьба его теоретического наследия. Немецкий фельдмаршал Альфред фон Шлиффен в предисловии к пятому изданию книги «О войне», вышедшему в 1905 г., отмечал, что Клаузевиц не предлагает Германии и ее армии «никакой готовой доктрины». Вместе с тем успехи поразивших Европу военных кампаний 1866 и 1870–1871 гг., результатом которых стало поражение Франции и создание Германской империи, начальник германского генштаба объясняет тем, что «превосходство нашего командования, которое там стало очевидным, имеет свои корни в произведении “О войне”, на котором вос-

питывалось целое поколение выдающихся воинов». В период активных военных приготовлений и в канун «европейской бойни» Шлиффен провозглашает, что Клаузевиц – это «великий учитель войны, воспитатель армии, которым может гордиться современное поколение» [Клаузевиц 1937, 19, 21, 22]. Работы же Шлиффена, как и других немецких военных теоретиков, Арон тщательно изучал.

Факт остается фактом: разработки Клаузевица были использованы теоретиками германского милитаризма, а впоследствии – и нацизма. «Великого Клаузевица» упоминает и Гитлер в своем «Политическом завещании». Все это было известно Арону, который выступал против того, чтобы причислять прусского философа войны к апологетам милитаризма. После Второй мировой войны имя Клаузевица было привлечено для возрождения страны. С плохо скрываемым пафосом об этом писал в своей статье о Клаузевице Карл Шмитт: «Он принадлежит к немногочисленной энергичной властной элите, которая в 1807–1812 гг. настолько успешно регенерировала тотально побежденное военное государство Пруссию, что оно отважилось вступить в соревнование с бурным индустриальным развитием XIX столетия. Для того, что собственно понимают под много раз оспоренным именем “Пруссия”, как и для того, что от нее осталось и продолжало жить после вычеркивания этой Пруссии победителями во Второй мировой войне, Клаузевиц гораздо значимее, чем многие другие, чьи имена сегодня призваны для спасения чести Пруссии» [Schmitt 1967, 501]. Таким образом, превратно толкуемые идеи прусско-германского реваншизма и после Второй мировой войны вновь могли обрести свою питательную основу в жизни и творчестве Клаузевица.

В любом случае, в лице Клаузевица и его теории Арон столкнулся с самым значимым достижением немецкой военной культуры, одним из воплощений которой стал прусско-германский генеральный штаб. С момента создания генштаб стал организацией, которую по стилю организации внутренней работы сегодня правомерно назвать фабрикой мысли (think tank). Организация и результаты работы германского генштаба впечатляли европейцев, в том числе и Арона. Одновременно

внушали опасение перспективы его возрождения в той или иной форме после Второй мировой войны. Послевоенные фобии вызваны были прежде всего осознанием потенциала «немецкой военной машины», в которой интеллект оказался помноженным на дисциплину и конкуренцию с которой военные институты Франции не выдержали. По результатам прочтения сочинения Ганса Дельбрюка и сравнения французской и немецкой практик военной организации страны Арон вынужден был констатировать: «...Превосходство, в основе которого лежит *способность к коллективным действиям* и военная дисциплина, не передается автоматически. Эти качества связаны с социальными структурами и вырабатываются в течение длительных действий» [Арон 2000, 282].

С учетом изложенного представляют интерес рассуждения, оценки и предложения Арона относительно перспектив военного развития побежденной Германии. Вполне объяснимо то, что он, как и многие его современники в Европе, полагал недопустимым воссоздание в послевоенной Западной Германии армии, полностью находящейся в национальной юрисдикции, и генерального штаба [Арон 2006, 196–197]. В результате военное строительство в ФРГ, осуществляемое под контролем западных держав-победительниц, не предусматривало нахождения военнослужащего на посту главнокомандующего, сама же немецкая армия виделась только жестко подчиненной НАТО. Все же, думается, из соображений политкорректности и «трансатлантической солидарности», Арон недоговаривает о том, что летом 1945 г., несмотря на решения держав победительниц, в западных зонах оккупации германские вооруженные силы продолжали существовать и готовиться к боевым действиям. Только в Шлезвиг-Гольштейне находилось около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, с которыми была организована боевая подготовка. Распущены эти формирования, в предназначении которых трудно усомниться, были только по жесткому требованию советской стороны [Жуков 1970, 716–718].

Начавшаяся же вскоре холодная война, во время которой и жил и творил Арон, воспринималась им как паллиатив тоталь-

ной войны. Тем не менее и впоследствии ученый утверждал, что после воссоединения Германия, если таковое состоится, а это означало бы окончание холодной войны, должна стать нейтральным государством [Арон 2006, 191, 342–343].

Интерпретации Клаузевица и интерпретации Арона

Идеи французского ученого, возникшие по результатам осмысления творческого наследия прусского теоретика войны и его личности, обсуждались в среде западногерманской политической элиты. По оценке самого Арона, книга о Клаузевице «стала предметом научно-межпартийной полемики в Федеративной Республике Германии (в узких кругах)» [Арон 2002, 707].

Характерно, что приоритетной целевой группой книги о Клаузевице, переведенной и на немецкий язык, он полагал немецкую аудиторию, причем прежде всего своих коллег из числа научного сообщества: «Публика, к которой я в глубине души обращался, была немецкой; разумеется, для книги такого рода речь могла идти не о широкой публике, а о коллегах – историках, специалистах по международным отношениям, политологах, возможно, даже философах» [Арон 2002, 711]. Следует признать, что авторские ожидания оправдались в полной мере. Среди немецких философов, политологов и социологов, которые изучали труды Арона о Клаузевице и судьбе его идей, представлены имена таких известных исследователей, как Вернер Хальвег, Карл Шмитт, Герффрид Мюнклер, Беатрис Хойзер.

Последствия же осмысления Ароном идейного наследия Клаузевица обоснованно рассматривать и в более широком контексте. Размышления и публикации, родившиеся в ходе творческого обмена мнениями исследователей из Франции, Германии и других стран, представляют значительный интерес в методологическом плане для разработки политической теории войны. Причем сам ученый отказался от притязаний на создание собственной теории войны [Арон 2006, 267]. Достаточно красноречивым представляется также тот факт, что Жюльен Фройнд, исследовавший войну и теорию Клаузевица,

считал своими равноценными учителями и Раймона Арона, и Карла Шмитта [Соловьев 2011, 218]. Примечательно также, что Арон называл Фройнда посредником между собой и Шмиттом. Во Франции традиция осмысления феномена войны в его различных ипостасях на основе обращения к немецким теоретикам получила свое продолжение, о чем свидетельствуют труды Рене Жирара [Жирар 2019] и Алена де Бенуа [Бенуа 2013].

Можно ли утверждать, что труд Арона стал для Франции и ее исследователей окончательным прочтением Клаузевица? Ведь, например, философ и богослов Рене Жирар, замороженный идеями прусского философа войны, полагает, «что именно *рационалистическое* прочтение Арона помешало моему вхождению в текст Клаузевица и что Клаузевиц говорит совсем не о том, о чем Арон хочет заставить его говорить» [Жирар 2019, 16]. В труде Жирара, вышедшем почти два десятилетия спустя после смерти Арона, немало содержится критических высказываний в его адрес. Думается, в качестве ответа Жирару, который призывает «завершить Клаузевица», можно привести мнение самого Арона: «Как бы мы ни хотели, учение Клаузевица остается и навсегда останется незавершенным. Интерпретация его идей, которую я даю, согласуется с моими предпочтениями, с предпочтениями поколений, которые пережили две мировые войны XX столетия» [Aron 1976a, 12].

Оценивая состоявшийся «заочный» обмен мнениями, можно с уверенностью утверждать, что и в дальнейшем будут появляться исследования, предлагающие все новое прочтение Клаузевица и тем самым подтверждающие эвристичность созданной им теории. И все же следует поддержать целеполагание Жирара в его стремлении осмыслить до конца творческое наследие прусского философа войны, равно как следует консолидироваться с императивным требованием Беатрис Хойзер «Читать Клаузевица!» [Heuser 2005], труды которого часто изучают поверхностно.

Говоря об осмыслении Клаузевица Ароном в нашей стране, необходимо учитывать, что его книга о прусском философе войны на русский язык не переведена. Желающие ознакомиться с этим произведением должны читать его либо в оригинале,

либо довольствоваться пересказами. Практически неизвестны в России и труды Вернера Хальвега. В советское время имена Арона и Хальвега в связи с Клаузевицем упоминались, но прежде всего как антикоммунистические авторы, соответствующим образом рассматривались и их работы [Ленин... 1981, 390]. До сих пор в России нередко ошибочно трактуются и подходы самого Клаузевица, равно как и последствия их реализации. Так, Т.И. Демченко достаточно категорично утверждает: «Действия фашистской Германии были обоснованы теорией Клаузевица, которая сводится не только к разгрому вооруженных сил противника, но и к уничтожению его как народа, к полному порабощению» [Демченко 2016, 93]. Вряд ли можно признать удовлетворительной и ситуацию, когда перевод на русский язык работ самого Клаузевица прекратился во второй половине 30-х гг. прошлого века.

Заключение

В условиях, когда обеспечение национальной и международной безопасности сталкивается с новыми неблагоприятными факторами, перед отечественным научным сообществом встает сложная интеллектуальная задача разработки политической теории войны. Ее решение невозможно без выявления и понимания проявления военного фактора в контексте общей логики политического процесса. Такая познавательная деятельность требует прочной методологической основы, сопоставления существующих научных подходов к пониманию войны. К мыслителям, чьим идейным достижениям суждено оставаться в фокусе исследований войны как в России, так и за рубежом, относятся Клаузевиц и Арон.

Осмысление войны на основе анализа достижений российской, французской и немецкой научной мысли позволит выйти на новые горизонты рефлексии об этом вечном спутнике жизни социумов. Поэтому заслуживает внимания идея профессора С.Н. Климова о том, что «путь к обновленной военной культуре Франции, а может быть, военной культуре Европы лежит, в первую очередь, через Германию и Россию» [Климов 2001, 111]. Адекватное восприятие национальной специфики осмысления назначения, подготовки и применения военной силы пойдет на пользу не только научному сообществу в наших странах, но будет иметь и прикладное значение. Чтобы получить такой

результат, требуется не просто сопоставление подходов, но и проникновение в логику мышления тех или иных теоретиков и в процесс формирования национальных систем научного знания о войне. Осмысление Ароном идейного наследия Клаузевица в этом отношении весьма показательно.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арон 1992 – *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс – Политика, 1992.

Арон 2000 – *Арон Р.* Мир и война между народами / под общ. ред. В.И. Даниленко – М.: NOTA BENE, 2000.

Арон 2002 – *Арон Р.* Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002.

Арон 2006 – *Арон Р.* Пристрастный зритель / пер. с франц.; под ред. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2006.

Бенуа 2013 – *Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня: «Справедливая война», терроризм, чрезвычайное положение, «Номос Земли» / пер. с франц. С. Денисова. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.

Жирар 2019 – *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шартром / пер. с франц. – М.: ББИ, 2019.

Жуков 1970 – *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М.: АПН, 1970.

Демченко 2016 – *Демченко Т.И.* Диалектика и политика войны // *Lex Russica*. 2016. № 5. С. 81–104.

Клаузевиц 1936 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Госвоениздат, 1936.

Клаузевиц 1937 – *Клаузевиц К.* 1812. – М.: Госвоениздат, 1937.

Климов 2001 – *Климов С.Н.* Военная культура Франции XX века (социально-философский анализ). – М.: Военный университет, 2001.

Ленин... 1981 – Ленин как политический мыслитель / под ред. В.В. Загладина и др. – М.: Политиздат, 1981.

Русская военно-теоретическая мысль... 1960 – Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / под ред. Л.Г. Бескровного. – М.: Воениздат, 1960.

Свечин 1935 – *Свечин А.А.* Клаузевиц. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935.

Снесарев 2007 – *Снесарев А.Е.* Жизнь и труды Клаузевица / предисл. Ю.Н. Балуевского; вступ. ст. И.С. Даниленко; статьи В.К. Белозёрова и Д. Хойзер. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2007.

Соловьев 2011 – *Соловьев А.В.* Жюльен Фрэнд и его концепция войны и мира: предисловие переводчика // *Пространство и Время*. 2011. № 1. С. 217–219.

Aron 1976a – *Aron R.* Penser la guerre, Clausewitz. Tome 1: L'âge européen. – Paris: Gallimard, 1976.

Aron 1976b – *Aron R.* Penser la guerre, Clausewitz. Tome 2: L'âge planétaire. – Paris: Gallimard, 1976.

- Camon 1911 – *Camon H.* Clausewitz. – Paris: R. Chapelot, 1911.
- Hahlweg 1973 – *Hahlweg W.* Das Clausewitzbild einst und jetzt // Carl von Clausewitz: Vom Kriege / achtzehnte Auflage. – Bonn: Ferdinand Dümmlers Verlag, 1973.
- Heuser 2005 – *Heuser B.* Clausewitz lesen! – München: Oldenbourg, 2005.
- Guineret 2014 – *Guineret H.* Clausewitz et la guerre / 2e édition. – Paris: Presses Universitaires de France, 2014.
- Millotat 2005 – *Millotat C.E.O.* Carl von Clausewitz und sein Einfluss auf Politiker und Soldaten von heute // Clausewitz-Gesellschaft. Jahrbuch 2005. Band 1. – Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V., 2005. S. 46–56.
- Oppermann 2008 – *Oppermann M.* Raymond Aron und Deutschland. Die Verteidigung der Freiheit und das Problem des Totalitarismus. – Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2008.
- Rose 1995 – *Rose O.* Carl von Clausewitz: Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991. – München: Oldenbourg, 1995.
- Schmitt 1967 – *Schmitt C.* Clausewitz als politischer Denker // Der Staat. 1967. № 4. S. 479–502.
- Schwartz 1878a – *Schwartz K.* Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. – Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878.
- Schwartz 1878a – *Schwartz K.* Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 2: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. – Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878.
- Strachan 2007 – *Strachan H.* Clausewitz's on War. A Biography. – New York: Grove Press, 2007.

REFERENCES

- Aron R. (1962) *Paix et guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy (Russian translation: Moscow: NOTA BENE, 2000).
- Aron R. (1967) *Les Étapes de la pensée sociologique*. Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Progress – Politika, 1992).
- Aron R. (1976a) *Penser la guerre, Clausewitz. Tome 1. L'âge européen*. Paris: Gallimard (in French).
- Aron R. (1976b) *Penser la guerre, Clausewitz. Tome 2. L'âge planétaire*. Paris: Gallimard (in French).
- Aron R. (1981) *Le Spectateur engagé*. Paris: Julliard (Russian translation: Moscow: Praksis, 2006).
- Aron R. (1983) *Mémoires. 50 ans de réflexion politique*. Paris: Julliard (Russian translation: Moscow: Ladomir, 2002).
- Beskrovny L.G. (Ed.) (1960) *Russian Military-Theoretical Thought of the 19th and Early 20th Centuries*. Moscow: Voenizdat (in Russian).
- Camon H. (1911) *Clausewitz*. Paris: R. Chapelot (in French).
- Clausewitz C. (1936) *On War*. Moscow: Gosvoenizdat (Russian translation).
- Clausewitz C. (1937) *1812*. Moscow: Gosvoenizdat (Russian translation).

de Benoist A. (2007) *Carl Schmitt actuel : « Guerre juste », terrorisme, état d'urgence, « Nomos de la terre »*. Paris: Krisis (Russian translation: Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2013).

Demchenko T.I. (2016) Dialectics and Politics of War. *Lex Russica*. No. 5, pp. 81–104 (in Russian).

Girard R. (2007) *Achever Clausewitz : Entretiens avec Benoît Chantre* (Russian translation: Moscow: Izdatel'stvo BBI, 2019).

Guineret H. (2014) *Clausewitz et la guerre* (2nd ed.). Paris: Presses Universitaires de France (in French).

Hahlweg W. (1973) Das Clausewitzbild einst und jetzt. In: *Carl von Clausewitz: Vom Kriege* (18th ed.). Bonn: Ferdinand Dümmlers Verlag (in German).

Heuser B. (2005) *Clausewitz lesen!* München: Oldenbourg (in German).

Klimov S.N. (2001) *Military Culture of France of the 20th Century (Socio-Philosophical Analysis)*. Moscow: Voyennyy universitet (in Russian).

Millotat C.E.O. (2005) Carl von Clausewitz und sein Einfluss auf Politiker und Soldaten von heute. In: *Clausewitz-Gesellschaft. Jahrbuch 2005* (pp. 46–56). Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V. (in German).

Oppermann M. (2008) *Raymond Aron und Deutschland. Die Verteidigung der Freiheit und das Problem des Totalitarismus*. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag (in German).

Rose O. (1995) *Carl von Clausewitz: Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836–1991*. München: Oldenbourg (in German).

Schmitt C. (1967) Clausewitz als politischer Denker. *Der Staat*. No. 4, pp. 479–502 (in German).

Schwartz K. (1878a) *Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken*. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung (in German).

Schwartz K. (1878b) *Leben des Generals von Clausewitz und der Frau Marie von Clausewitz. Bd. 2: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken*. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlags-Buchhandlung (in German).

Snesarev E.A. (2007) *Life and Works of Clausewitz*. Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Soloviev A.V. (2011) Julien Freund and His Concept of War and Peace: The Preface of the Translator. *Prostranstvo i vremya*. No. 1, pp. 217–219 (in Russian).

Strachan H. (2007) *Clausewitz's on War. A Biography*. New York: Grove Press.

Svechin A.A. (1935) *Clausewitz*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye (in Russian).

Zagladin V.V. (Ed.) (1981) *Lenin as a Political Thinker*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Zhukov G.K. (1970) *Memoirs and Reflections*. Moscow: APN (in Russian).